

Беря в руки повесть Агнии Кузнецовой о Н. Н. Пушкиной-Ланской*, автор и не помышлял о критике. Наоборот, имея к исследованию пушкинской поры самое прямое отношение (в 1976 году в «Сибирских огнях» опубликовано мое документальное повествование «Наталья Николаевна Пушкина»), хотелось в произведении увидеть нечто новое, ранее не известное, порадоваться за соратника по Пушкиниане.

Повесть о достоверных лицах обязывала автора и писать достоверно.

Прочитаны первые абзацы, и счастье прикосновения к новой публикации сменилось горечью за допущенные ошибки. Если бы их было одна-две... К сожалению, грубые и мелкие ошибки вырастали в трехзначное число.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ прием, где вымышленная или реальная героиня перед кончиной начинает вспоминать свою жизнь, не нов, если не сказать — избит. Воля автора — с чего начинать. И Агния Кузнецова умело воздействует этим приемом на читателей. Но давно замечено: человек на смертном одре немногословен, тих, всепрощающ, правдив, душа в нем высветлена страданием. Поэтому едва ли удобно вести повествование от лица, расстающегося с жизнью.

Н. Н. Пушкина-Ланская умерла 26 ноября 1863 года. Прикованная недугом к постели, она по воле А. Кузнецовой и вспоминает свою жизнь.

«Для нее была трагедией неудавшаяся личная жизнь младшей дочери... и то, что старшая, Мария, в свои двадцать восемь лет была еще не замужем». Сожалеть о дочери на смертном одре Наталья Николаевна не могла. Сама А. Кузнецова через десять страниц пишет: «В 1860 году Мария вышла замуж за генерал-майора Гартунга».

«Наталья Николаевна затушила пахитосу в хрустальной пепельнице и неторопливо повернула к мужчине бледное, изможденное лицо». Н. Н. Пушкина-Ланская не могла себе позволить курить и по причине легочной болезни и потому, чтобы не давать дурного примера детям. Ее чадолюбие, система домашнего воспитания могли быть примером для своего времени. Потому ее дети с предубеждением относились к спиртному, в рот не брали табак.

Наталья Николаевна «вспомнила со смехом, как вчера на балу у графини Разумовской сразилась в шахматной игре с иностранцем, о котором шла слава, как о большом мастере, и обыграла его».

В «ОГОНЬКЕ» (№ 43, 1981, с. 25) А. Кузнецова была еще откровенней. Словами графини Разумовской был преподнесен урок иностранцу: «А вы и не знали, что сегодняшняя партнерша ваша — лучшая шахматистка Петербурга!» Не хотелось бы разуваться в этом, но это явное преувеличение! Мимолетное упоминание А. С. Пушкина в переписке, что жена его играет в шахматы, не дает права на столь веские заявления. Да и кто играет в шахматы на балу?

«На Черной речке смертельно раненного Пушкина секунданты вели к саням». Пушкин был так тяжело ранен, что идти уже не мог (раздроблены подвздошная кость и крестец, повреждены кровеносные сосуды); поэт часто терял сознание. К нему, разобрав изгородь, подъехали на санях, затем переложили в карету.

«В тревоге за приемного сына приехал к месту дуэли барон Геккерен». Опять ошибка! Геккерен не был на месте дуэли. Он лишь отправил карету на случай ранения Дантеса. Пушкин не знал, чья карета, а так как был ранен тяжелее, ему и уступили закрытую повозку.

Пушкин «вынул из поданной ему шкатулки перстни и раздал их

друзьям. Дантасу — с бирюзой, тот, что подарил ему когда-то лучший друг Нащокин... Жуковскому — кольцо, когда-то подаренное графиней Воронцовой». Обремененный долгами, Пушкин не мог раздаривать друзьям фамильные драгоценности. У него оставались дети, жена. Да и не в обычае было передаривать дареное. Через несколько страниц А. Кузнецова спохватывается и вдруг начинает утверждать такое: «Она (Н. Н. Пушкина — Л. Ф.), не вытирая слез, сбегающих по щекам на шею, в память великого друга дарит ему (В. И. Далю — Л. Ф.) перстень с изумрудом, который Пушкин не снимал последнее время, называя его талисманом, и черный сюрикс Пушкина» (с. 24).

Перстень-талисман был из сердолика, огранен восьмигранником и подарен Жуковскому женой поэта. Далю подарено другое кольцо, но перстень-талисман Воронцовой.

«Наташе исполнилось шесть лет, и дедушка нанял учителей — обучать ее музыке, русскому языку, рисованию». («Октябрь», № 2, 1982, с. 11). А. Кузнецова сделала

карта: 1) автор с. 2) автор повести

ХОТЕЛОСЬ БЫ ВЕРИТЬ, НО...

грубую ошибку. Дедушка не мог нанять учителей. Живя с шестилетнего возраста в Москве, Наташа Гончарова и обучалась там. Ее письма деду тому подтверждение. Из Москвы дед получил и рисунки с внучат, в том числе и самый ранний до нас дошедший образ Наташи.

ЕЩЕ ОДИН образчик искажения фактов. «Наталья Николаевна вспоминает свою мать Наталью Ивановну. Говорили, что в молодости та была очень красива, быть может не менее красива, чем ее младшая дочь. Отец женился на ней, когда она, будучи фрейлиной, вынуждена была отойти от двора, потому что Охотников, фаворит императрицы Екатерины, влюбился в нее». («Октябрь», № 2, 1982, с. 11). В том-то и дело, что Охотников был фаворитом императрицы Елизаветы Алексеевны, а не Екатерины Великой, умершей в 1796 году.

«Зимой 1837 года он, (П. П. Ланской — Л. Ф.) ротмистр кавалергардского полка, был увлечен Идалией Поветикой... Идалия пояснила, что ему придется в назначенный день охранять ее квартиру, в которой состоится свидание ее подруги и родственницы Натальи Николаевны Пушкиной и Дантеса». (с. 19). Этот факт, взятый А. Кузнецовой из мемуаров А. П. Араповой, не что иное, как вымысел. Все дело в том, что П. П. Ланской в описываемый период не был в Петербурге: в это время он закупал лошадей для полка и не мог «охранять» квартиру Поветики.

Нельзя не указать на ошибку А. Кузнецовой относительно подарка фрейлине А. О. Россет альбома поэтом. Она утверждает, что он сделан поэтом и женой летом 1831 года в Царском Селе. На самом деле альбом подарен Пушкиным А. О. Смирновой ко дню ее рождения 18 марта 1832 года. Она с 11 января 1832 года была замужем за дипломатом Н. М. Смирновым, потому, предназначая альбом для «Исторических записок», Пушкин написал «А. О. С.», что означало — Александре Осиповне Смирновой. И альбомом, и стихом «В тревоге пестрой и бесплодной» бывшая фрейлина гордилась и, хотя значительно позже, взялась за мемуары.

НЕСМОТРЯ на общеизвестный факт знакомства Н. Н. Пушкиной и Дантеса осенью 1834 года

А. Кузнецова относит это событие к 1836 году, времени принятия ванны Натальей Николаевной после родов.

Общезвестно, что ни Дантес, ни Геккерен не были авторами анонимного письма, а Агния Кузнецова говорит о пасквиле: «Да, это на руку барону Геккерену. Это его работа».

Говоря о И. Г. Полетике, А. Кузнецова пишет, что «у Полетики ненависть к Пушкину была активной, постоянной, с юности и до конца ее долгих дней». Еще в письме от 30 октября 1833 г. жена передавала Пушкину от Полетики поцелуй, так что отношения их еще не были враждебными. В юности она не могла ненавидеть поэта, т. к. не знала его.

Глубоко несправедлива А. Кузнецова к памяти Н. И. Гончаро-

МНЕНИЕ
ПОИСК-ГИПОТЕЗЫ • ПОЛЕМИКА

вой, матери Натальи Николаевны. Младшую дочь она уважала, пожалуй, более других и до замужества и после, когда примирилась с поэтом. А она говорит на страницах повести, явившись к дочери видением:

«— Ты же никогда, как и все мои дети, не любила меня. Ты просто из всех была самой покорной, «тихой», как прозвали тебя в детстве. Ты плакала о моей смерти и носила траур потому, что сама по себе смерть, любая смерть страшна. Потому что траур носить положено».

Она не отходит от кровати, а растворяется, как дым, в слабо освещенной комнате».

Повесть построена так, повторяю, что Н. Н. Пушкина-Ланская вспоминает свою жизнь на смертном одре. Вспомнить она, видимо, может лишь то, что пережила, чему сама была свидетелем. И в такой момент, момент угасания, уместно ли загружать ее память всем тем, что придет на ум автору? А. Кузнецова тут иногда теряет чувство такта.

Если бы и довелось читать Наталье Николаевне преддуэльное письмо Пушкина барону Л. Геккерену, то вряд ли она могла его запомнить. А появилось письмо в русской печати в 1900 году в книге «Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккереном. Подлинное военно-судное дело 1837 г.», когда Н. Н. Пушкиной-Ланской уже не было в живых. Но и в этом издании оно появилось с копии. Подлинник хранился у Л. Геккерена.

Не могла знать Н. Н. Пушкина и частные письма Петра Андреевича и Веры Федоровны Вяземских, княгини Е. Н. Мещерской-Карамзиной, Д. Ф. Фикельмон, Ж. Дантеса посланнику Л. Геккерену и многое другое, что увидело свет после ее смерти.

Автор, придав повести форму воспоминания, старается уместить

эти письма в памяти угасающей женщины и время от времени уверяет нас ее словами: «Я даже помню», «Вот послушай, Констанция», «Оно в памяти». Конечно, такой литературный прием придает своеобразную достоверность, но являет ли он собой естественность?

ДЛЯ ПРИДАНИЯ достоверности повести А. Кузнецова, как уже отмечалось, довольно часто пользуется эпистолярным наследием своей героини, Пушкина и его современников. Но только этим местам в повести и можно верить без сомнения.

А. Кузнецова закавычивает не только цитаты из писем, но и свои размышления, вложенные в уста Натальи Николаевны. И что будет, если ими воспользуются, как первоисточником, опубликованным в солидном журнале?

Конечно, не служат украшением повести и такие выражения, как «Композитор был в ударе, лицо его горело, глаза сверкали», (о А. С. Даргомыжском), «Звонкий тенор Пушкина» (имея в виду не вокальные данные), «Долго маялся с непонятными цифрами» (о поэте), «Всеядящее око» (о Л. Н. Толстом), «Привыкла к своему лицу» (не мудрено!), «Обаяние молодости, которое горело жгучим огнем в глазах», «При займи у товарищей» и т. д.

О КОМ И О ЧЕМ только не говорится в повести. О царе и Дантесе, Дубельте и Фризенгофах, Полетике и Фикельмоне, Карамзиных и Россете, предках и современниках героини, детях Пушкина и Ланского и детях их детей, о городах Европы и имениях России. И все это, как в калейдоскопе, проходит перед читателем. И порой рассказ ведется в такой спешке, что кажется, будто автор боится, что не успеет.

Среди множества характеристик знакомцев Н. Н. Пушкиной-Ланской теряется облик самой героини.

Приводя письма Натальи Николаевны мужу в 1849 году на разных страницах, А. Кузнецова забывает порой, что П. П. Ланской, находясь в составе гвардейского корпуса в Прибалтике, пишет жене оттуда, и утверждает, что он уезжал от семьи в разные города.

Видимо, это смешение дат, имен и событий служит причиной ошибочного отправления Г. А. Пушкина в пажецкий корпус на три года раньше срока. И представляя читателю братьев Карамзиных юнцами в 1831 году, каковыми они были при знакомстве Н. Н. Пушкиной с их домом, автор оставляет их в этом возрасте, описывая события конца 1836 года.

Вот и получается, что даже мелкие ошибки оборачиваются при совокупности в крупные недочеты.

Очевидно, даже во время публикации повести, утверждая, что Н. Н. Пушкина «Была изящнее, блистательней других фрейлин» («Огонек», № 43, 1981, с. 28). А. Кузнецова считала, что Наталья Николаевна Пушкина была фрейлиной. Но она не была ею никогда!

ЕСТЬ у А. Кузнецовой и удачные, на мой взгляд, места, где хочется верить автору, его художественному слову. Это — начало повести, где сама природа скорбит об угасании Натальи Николаевны. Сцена знакомства П. П. Ланского с детьми поэта. Случай о проделке А. П. Араповой в отрочестве. Описание посещения могилы А. С. Пушкина женою и слугою его. Но как редко рассеяны такие места на десятках страниц повести.

Беспрдельна любовь наша к Пушкину. Все, связанное с его именем, требует от нас освещения правдивого, ясного. Ошибки в научных ли, литературных ли трудах неуместны и непростительны. Тем, кто касается сокровенных сторон жизни поэта, судьбы его жены, надо обладать не только обширными познаниями, но и чувством такта, ответственности за великую русскую литературу.

Леонид ФЕДОТОВ.

г. НОВОСИБИРСК,
Академгородок.